

Апрель 2000 г.

Сэйити Ашия заехал на своем ярком автомобиле на пустырь позади дома своей семьи. Это был подержанный иностранный кабриолет – ничего особенного, но владение им давало ему право хвастаться. Зимой брезентовая крыша выглядела ужасно, а отопление работало отвратительно, но с наступлением тепла машина наконец-то показала себя во всей красе. Из-за своей яркости она часто становилась объектом розыгрышей, поэтому Сэйити позаботился о том, чтобы надёжно закрепить крышу и запереть двери.

Хотя уже был апрель, как только солнце село, ветер превратился в резкий холод, обжигающий щеки, столь непохожий на дневное тепло. Он цокнул языком, проклиная свою лёгкую одежду, и поспешил дальше. Опершись рукой о ржавую красновато-коричневую калитку, он поднял голову, увидев что-то белое. Магнолия во дворе, которая в прошлый раз только распускала почки, начала цвести, её цветы появлялись один за другим. Бледные лепестки, слабо освещённые светом крыльца, напомнили ему кожу светлой женщины. Сейчас он считал их красивыми, но в детстве большое, усыпанное цветами дерево пугало его. Когда цветы отцветали, они падали на землю с мягким стуком, словно отрубленная голова, и опавшие лепестки были похожи на трупы белых птиц.

Снимая обувь у входа, Сэйити услышал торопливые шаги, эхом разнесшиеся по коридору. В комнату вошла его мать в цветочном фартуке – её пухлая фигура и пугающе широкие бёдра. Заметив сына, она прижала толстые пальцы к щеке и склонила голову.

- Вернёшься домой – хоть бы предупреждал заранее! Я же еду готовлю на всех.

- Да ладно, мам. Просто покорми, – Сэйити пожал плечами, выходя в коридор.

- Вечно ты так перед зарплатой.

Его мать, ковыряясь в волосах, надела свои зелёные сандалии... но прежде чем она это сделала, она с хрустом опустила свою тяжёлую ногу на носок его сапога.

- Ой! Не топчи! Они дорогие! А вдруг след оставишь? – он бросился к раздавленному ботинку, пытаясь быстро восстановить его форму.

- Ой, прости.

Её извинения были небрежными, в её тоне не было ни капли раскаяния. Она упёрла руки в бёдра.

- Ты так из-за какой-то обуви переживаешь. Взрослый мужик, ей-богу! Но, Сэйити, ты бы хоть что-то сделал с этой чёлкой, как занавеска. Как ты так на работу ходишь? Тебе не стыдно?

Слово «занавес» привело его в ярость. Это была модная причёска, срисованная с актёра, и коллеги делали ему комплименты, говоря, что она выглядит круто. Он считал, что этот непринуждённый стиль ему идёт, и никто никогда раньше не оскорблял его, называя «занавесом».

- Мои волосы – это моё дело.

Мать искоса взглянула на него.

- Конечно, твоё дело. Но я о том, что люди думают. Тебе уже двадцать семь. Если ты всё ещё будешь париться из-за причёсок и шмоток, люди скажут, что ты так и не повзрослел.

Париться из-за одежды? Это было оскорблением. Сэйити очень следил за своей внешностью, и сейчас он был одет элегантно, в приглушённых тонах. Что плохого в том, чтобы наряжаться? Что плохого в том, чтобы тратить собственные деньги на вещи, которые ему нравятся? Он знал, что что бы он ни сказал, его язвительная мать перевернут его слова десять раз, поэтому, несмотря на раздражение, он держал рот на замке.

- Дело не во внешности, а в том, что внутри. Хватит покупать тряпки, лучше бы научился деньги копить хоть раз в жизни.

Сэйити вздохнул. Его мать могла сколько угодно проповедовать о внутренней красоте, но при первой встрече первое, на что обращаешь внимание, – это одежда и лицо. Характер человека не определишь с первого взгляда. К тому же, если выбирать между хорошо одетым и неряшливым человеком с одинаковым характером, все выберут хорошо одетого. Нет ничего плохого в том, чтобы совершенствовать свою внешность.

Более того, пока вы вынуждены жить с лицом и телом, данными вам от рождения, если только не прибегнуть к хирургии, даже самые «ужасные» люди могут оказаться приличными. Те, кто твердит о «внутренней красоте», обычно обладают внешностью, на которую просто невозможно смотреть. К тому же, «плохой характер» – понятие относительное. За исключением преступников и гангстеров, никто не ужасен по-настоящему. Даже если кого-то называют «неприятным», это не имеет большого значения.

Внезапно его мать коротко вздохнула, захлопала в ладоши и воскликнула:

- Ах! Да, именно так. Увидев твоё лицо, я вспомнила. Вчера звонила Макико и сказала, что Кэйсукэ приедет в Токио в следующем месяце.

При упоминании имени Кэйсукэ глаза Сэйити расширились от удивления. Он молчал, а мать нахмурилась.

- Только не говори мне, что ты забыл своего кузена Кэйсукэ?

- Конечно, помню. Конечно, помню. Так он сюда едет? Зачем? На свадьбу друга или что? - не раздумывая, Сэйити пошарил в кармане куртки. Достал сигарету, прикурил и затянулся. Прилив тревоги немного утих. Кэйсукэ Хими - его двоюродный брат, ровесник. Хотя они не виделись десять лет, Сэйити отчётливо помнил его лицо.

- Ты же знаешь, как семья Макико управляет гостиницей, да? Кэйсукэ, их единственный сын, должен взять её на себя, но перед этим он приезжает сюда учиться гостиничному менеджменту в заведение, которым управляет друг семьи. Он планирует пробыть здесь около года, так что ему нужно будет найти квартиру. Но, знаешь, поскольку он никогда не выезжал из деревни, он, вероятно, не знает, как здесь всё устроено. Поэтому Макико и попросила тебя помочь ему, ведь вы с ним одного возраста.

Вмешиваться? Ни в коем случае. Сэйити стряхнул пепел на пол у входа, заслужив пристальный взгляд матери.

- Кэйсукэ - взрослый мужчина. Он сможет найти квартиру сам, без моей помощи.

Глаза его матери сузились.

- Как бессердечно. Вы двое были так близки. Я уже сказала Макико, что ты возьмёшь на себя ответственность и поможешь ему, так что тебе придётся о нём позаботиться. И вообще, разве ты не выходной по выходным?

- Да, я уйду, но у меня свои планы. Ты согласилась на это, не спросив меня, так что не жди, что я просто так соглашусь.

Когда Сэйити наотрез отказался, его мать скрестила руки и лукаво усмехнулась.

- В таком случае, как насчёт того, чтобы вернуть мне 300 000 иен, которые ты мне должен, - прямо сейчас, в полном объёме?

Удар пришёлся ему по душе, и Сэйити прикусил губу. Мать закрыла глаза и тяжело вздохнула.

- Вечно занимаешь деньги на свои глупые траты... Честно говоря, я бы с удовольствием дала тебе выпить немного эссенции Кэйсукэ. Он такой внимательный и добрый мальчик, всегда заботится о своих родителях. С тех пор, как его отец заболел и оказался прикованным к постели, он так много работал...

Сэйити больше не мог выносить это сравнение и прервал её, ворвавшись в гостиную, прежде чем она успела закончить. Он рухнул на диван, яростно затягиваясь сигаретой. Кэйсукэ приезжал в Токио. Само по себе это его не беспокоило, в отличие от мысли о необходимости вмешиваться. Он не питал неприязни к Кэйсукэ - совсем наоборот. Проблема была в том, что они слишком сблизились.

Сэйити поймал себя на том, что рассеянно напевает старую песню: «Ах, ошибки молодости...»

<http://bllate.org/book/12910/1133879>